

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 882(09)

С.В. Звягина

РОМАН А.Ф. ПИСЕМСКОГО «ТЫСЯЧА ДУШ»:
ДИАЛОГ С «МЕРТВЫМИ ДУШАМИ» Н.В. ГОГОЛЯ

Изучен диалог романа А.Ф. Писемского «Тысяча душ» с «Мертвыми душами» Н.В. Гоголя на уровне сюжета и системы персонажей. Установлено, что обращение к гоголевской поэме осуществляется посредством реминисценций, которые позволяют писателю расширить границы своего произведения и наполнить его глубоким смыслом. Рассмотрены теоретические аспекты этого художественного приема и оценена его роль в структуре произведения. Показано, что, вступая в диалог с «Мертвыми душами», Писемский следует собственной идее и рисует картину современного ему общества, где царит атмосфера потребления и, следовательно, нет места новому герою, признающему аморальность своего поведения и пытающемуся исправить совершенные ошибки.

Ключевые слова: реминисценции; диалог; гоголевский сюжет; живые / мертвые души.

Русская литература 40–50 гг. XIX в. развивается под знаком новых исканий и открытий в разных направлениях художественного отражения характеров и всего процесса жизни, но в них все еще сильны традиции А.С. Пушкина и Н.В. Гоголя [1. С. 389].

В этот период перемен и начал свой творческий путь Алексей Феофилактович Писемский (1821–1881), который был воспринят современниками как достойный продолжатель «пушкинских» и «гоголевских» идей, поскольку в его сочинениях они проявились «как генетически близкие и художественно взаимодополняющие» [2. С. 7]. Его дар повествователя и умение следовать за реальностью позволяют говорить о нем как о писателе-реалисте [3. С. 210, 211], который, отдавая дань традиции, все же пошел самостоятельной дорогой и создал в своих произведениях уникальный художественный мир, расширивший границы реалистического искусства.

С юных лет Писемский был увлечен творчеством Н.В. Гоголя, а за годы учебы в университете, которые позволили ему всесторонне осмыслить великую русскую литературу, навсегда сделался его «пламенным поклонником и последователем» [4. С. 6]. При этом Писемский не только читал произведения «великого маэстро» [5. С. 139], но и играл его персонажей в любительских спектаклях.

С «учительством» Гоголя, как отмечают критики, связаны многие моменты художественного творчества Писемского. Так, близкий друг писателя Б.Н. Алмазов [6. С. 453] указывал, что литературными образцами для Писемского были творения Пушкина и Гоголя. А В. Дерели, представляя весной 1880 г. французской публике неизвестного русского сочинителя, говорил: «Писемский считается в России за одного из наиболее известных литераторов. Признавая в нем преобладающими качествами точный анализ характеров и юмористический реализм наблюдений, его называют преемником Гоголя, знаменитого автора Мертвых душ и Ревизора» [5. С. 792]. Этой позиции придерживался и Ю. Айхенвальд. Он, анализируя «Тысячу душ» и «Мертвые души», акцентирует внимание на сходстве художественной манеры Писемского и Гоголя: и здесь и там даны картины быта,

представлена физиология русской общественности и показана яркость жанра [7. С. 264].

Современные исследователи также фиксируют «преданность» писателя традициям Гоголя. Так, В.А. Мысляков отмечает, что уже первое произведение Писемского – повесть «Боярщина» – своей установкой на «натуральность» изображения, критическим пафосом и стилистикой повествования, окрашенной интонациями непринужденно-живого, иронического рассказа, заставляет нас вспомнить о гоголевской школе [8. С. 82].

Однако о положительном влиянии Гоголя говорили не все. Ю.Ф. Самарин, например, упрекал всех писателей гоголевского направления (а значит, и Писемского) в том, что они мало знают жизнь провинции, которую изображают в своих произведениях, и «умеют видеть только то, что показал, описал и назвал по имени Гоголь» [9. С. 86], они ученически следуют за ним. Относить это утверждение к личности Писемского в полной мере нельзя, поскольку он долго жил и служил в провинции и своими глазами видел среду провинциальной бюрократии и дворянства, а потому оперировал материалом, извлеченным из глубин русской жизни.

Писемский учился у Гоголя литературному мастерству – правдивому изображению действительности, однако если «великий маэстро», как правило, старался избегать в своих произведениях цитат и литературных отсылок, стремился спрятать как можно глубже всякий литературный источник [10. С. 102], то Писемский действовал иначе: он не боялся обвинений в литературности. И поэтому в своем вершинном произведении – романе «Тысяча душ» – писатель прибегает к активному диалогу с «Мертвыми душами» Гоголя путем включения в текст литературных реминисценций.

Цель нашей работы – выявление роли гоголевских реминисценций в романе А.Ф. Писемского «Тысяча душ» и оценка их влияния на идею, сюжет и систему персонажей.

Данный ракурс исследования продиктован интересом современного литературоведения к художественной многозначности текста, поскольку, несмотря на свою уникальность, все произведения художествен-

ной литературы существуют в ситуации «полилога культуры» [11. С. 364], т.е. непременно вступают во взаимосвязь с литературной и культурной традицией. Этот факт и обуславливает, и объясняет использование писателями приема реминисценции – бессознательного или целенаправленного воспроизведения фрагментов чужого текста.

Реминисценция – это способ создать определенный настрой для восприятия произведения, подключив его к традиции, и одновременно возможность продемонстрировать отличие, новизну создаваемого произведения, вступить в диалог с традицией [12. С. 15]. Реминисценции глубоко значимы в художественной литературе разных стран и эпох [13. С. 269], однако их активное использование в русской поэзии и прозе приходится на XIX–XX столетия. Реминисценции вносят в текст множество новых значений и позволяют с помощью всего нескольких слов расширить границы произведения. Их выявление позволяет расшифровать авторский код, что, следовательно, приближает нас к постижению «скрытого» смысла.

Реминисценции ассоциативно связывают первый и второй контексты художественных произведений, обогащая восприятие последнего путем включения в него прямых или трансформированных цитат, сюжетных заимствований или просто имен авторов, их персонажей и названий произведений.

Так, преклоняясь перед талантом Гоголя, Писемский неоднократно упоминает в романе его имя и произведения, как бы отдавая дань «великому маэстро». Центральный персонаж «Тысячи душ», Настенька Годнева, в одном из разговоров о литературе называет среди «великих русских писателей» имена Пушкина, Лермонтова и Гоголя. А вот главный герой, Яков Калинович, хоть и заявляет, что Гоголь – «громадный талант» (отдавая ему предпочтение перед Пушкиным и Лермонтовым), но общее направление его творчества считает односторонним, поскольку Гоголь «с приличною ему силою является только как сатирик, а потому раскрывает одну сторону русской жизни, и раскроет ли ее вполне, как обещает в «Мертвых душах»... – это еще сомнительно» [14. С. 50].

Размышляя в пьесе «Театральный разъезд» над отличительными особенностями нового времени, Гоголь писал: «Всё изменилось давно в свете. Теперь сильнее завязывает драму стремление достать выгодное место, блеснуть и затмить, во что бы ни стало, другого, отомстить за пренебрежение, за насмешку. Не более ли теперь имеют электричества чин, денежный капитал, выгодная женитьба, чем любовь?» [15. С. 142]. Раздумывая эти были близки и понятны Писемскому. Касаясь в самом начале работы над романом его основной мысли, он писал А.Н. Майкову: «Что бы про наш век ни говорили, какие бы в нем ни были частные проявления, главное и отличительное его направление практическое: составить себе карьеру, устроить себя покомфортнее, обеспечить будущность свою и потомства своего – вот божки, которым поклоняются герои нашего времени» [5. С. 77, 78]. И действительно, брак без любви, стремление к материальному благополучию, отсутствие идеалов – все это в изобилии представлено в его романе [16. С. 626].

Писемский убежден, что «для нас, детей нынешнего века, слава... любовь... мировые идеи... бессмертие – ничто перед комфортом... <...> Для комфорта чистым и нечистым путем ищут наследство; для комфорта берут взятки и совершают, наконец, преступления» [14. С. 136]. Эти признаки века Писемский воплотил в образе князя Ивана Раменского, который «ни за какое дело не возьмется без явных барышей» [Там же. С. 318]. Именно он, преследуя целью обогащение, предлагает Калиновичу жениться на Полине Шеваловой – его родственнице, обладательнице внушительного состояния. При этом князь вовсе не соблазняет Калиновича богатствами, он лишь озвучивает ему его собственные желания. Первоначально герой, еще полный надежд преуспеть благодаря своему таланту литератора, отказывается, но как только убеждается в том, что писательская карьера не принесет ему ни желаемой славы, ни денег, он без доли сожаления оставляет литературное поприще. Чиновничья карьера тоже не складывается, и он уже готов пойти на решительный шаг – жениться на «тысяче душ». Однако этот путь мучителен для Калиновича. Свою сделку с миром знатных богачей он воспринимает как катастрофу, и только встав на путь борьбы с этой средой, Калинович чувствует себя удовлетворенным.

На стадии замысла романа в основе сюжета должна была лежать история писательской карьеры главного героя – Якова Калиновича, чему и соответствовало первоначальное название романа – «Умный человек». Однако в письме от 1853 г. Писемский сообщил А.Н. Майкову, что «выведется литератор не по призванию, а из самолюбия» [5. С. 62]. Изменив название сочинения, Писемский тем самым подчеркнул тему приобретательства и материального интереса, что сближало «Тысячу душ» с «Мертвыми душами» Гоголя.

Произведения разделяет чуть более 15 лет, но в культурно-историческом плане это целая эпоха. «Мертвые души» создавались Гоголем в то время, когда роман только выдвигался на первое место в русской литературе [1. С. 324], а «Тысяча душ» – в период, когда русский реалистический роман уже стал ведущим жанром художественной литературы.

Главные герои обоих произведений, Чичиков и Калинович, – люди, несомненно, разные, различны и их действия на пути к достижению цели: в одном случае – это предпринимательство «нового» человека, в другом – традиционная женитьба-сделка. Но цель, которую они преследуют, – одна: это «комфорт», эквивалентом которого являются приобретаемые души.

Персонаж Гоголя – Павел Иванович Чичиков – ездил по городам и весям русской земли, поскольку был охвачен желанием стать обладателем капиталов, которые принесут с собой «жизнь во всех удовольствиях» [17. С. 228]. Поставив себе цель, Чичиков проявляет для ее достижения громадную энергию, упорство и невероятную изобретательность. Главный его козырь во всех жульнических операциях – это талант искусного ведения разговора: он, как «настоящий хамелеон, меняющий в зависимости от обстоятельств речь и манеру обхождения» [18. С. 12], в любой новой обстановке быстро становится «своим человеком». Именно благодаря обаянию и постижению, как гово-

рит сам Гоголь, великой тайны нравиться, гениальная афера приносит желаемые плоды: Чичиков становится обладателем четырехсот мертвых душ.

В романе Писемского путь героя наверх – тоже своего рода путешествие. Карабкаясь по ступеням социальной и карьерной лестницы, Яков Калинович сталкивается с массой разнообразных лиц: от низшего сословия до верхов. «Путешествие» начинается с провинциального города Энска, куда он назначен на должность смотрителя училища. Однако это не его уровень. Выпускник юридического факультета Московского университета способен на большее: у него есть ум, сила воли и, наконец, самое главное – огромное желание выбиться в люди.

Герой Писемского, как и Чичиков, действует активно и целеустремленно. Он получает невесту с тысячью душами, должность вице-губернатора, а затем и губернатора.

Однако если, по мнению современных исследователей [18. С. 14], гоголевский авантюрист не антипатичен читателю – мы, следуя за ним, непременно желаем ему одержать победу над помещиками, – то образ Калиновича, несмотря на то что Писемский берет его под свою защиту, объясняя поведение героя характером современной русской и европейской жизни, в которой «рыцари переродились в торгашей», вызывает противоположные эмоции. Казалось бы, князь Раменский и Полина Шевалова ничуть не лучше гоголевских продавцов, мы не сочувствуем им, однако и не оправдываем Калиновича. Причина данного диссонанса кроется в образе Настеньки Годневой – милого, доброго человека с большим сердцем, любовь которой Калинович предает, поскольку эта девушка не способна помочь в реализации его планов.

В названии обоих произведений («Тысяча душ» и «Мертвые души») присутствует слово «душа», однако в содержательном отношении между ними существует огромная разница. Для раскрытия смысла слово «душа» обратимся к «Толковому словарю живого великорусского языка» В.И. Даля:

«Душа. 1. Бессмертное духовное существо, одаренное разумом и волею; в общем значении человек, с духом и телом. 2. Говоря душа, подразумевают людей обоего пола, либо только мужского, душу ревизскую, что означает человека податного состояния. 3. Душевные и духовные качества человека, совесть, внутреннее чувство» [19. Стб. 1256].

Из этих значений следует, что слово «душа» – понятие многогранное, при этом оно всегда употребляется в отношении к человеку, к живому существу. Однако в анализируемых нами произведениях «душа» приобретает предметное значение.

Гоголь писал: «Приобретение – вина всего; из-за него произвелись дела, которым свет дает название *не очень чистых...*» (курсив Н.В. Гоголя. – С.3.) <...> Не только широкая страсть, но ничтожная страстишка к чему-нибудь мелкому разрасталась в рожденном на лучшие подвиги, заставляла его позабывать великие и святые обязанности и в ничтожных побрякушках видеть великое и святое» [17. Т. 6. С. 242].

Герой Гоголя совершает именно такое приобретение. Он скупает у помещиков – «целой галереи паров-

дий на людей» [20] – «мертвые души», которые по документам – «ревизским сказкам» – значились до очередной проверки живыми. И делает это он с целью обогащения, поскольку за каждую душу рассчитывает получить в Опекунском совете по двести рублей. К тому же, как отмечает герой, теперь «время удобное: недавно была эпидемия, народу вымерло, славу богу, не мало» [17. С. 240]. Таким образом, получается, что «душа» – это средство наживы.

Е.А. Смирнова [21. С. 7–10], анализируя «Мертвые души», рассматривает понятие «душа» как центральную категорию в творчестве Гоголя, которая непосредственно связана с поиском положительного идеала. Это обусловлено тем, что Гоголь всегда чувствовал, что позади мертвых душ души живые, и потому он, следуя за Чичиковым, не оставляет надежды найти таких людей, которые бы несли в себе начало жизни и возрождения, в то время как его героя интересуют только мертвые души [22. С. 80].

Реализацию гоголевской идеи – «приобретение – вина всего» – мы наблюдаем и в «Тысяче душ» у Писемского. Так, например, наследница миллионного состояния Полина Шевалова жалуется, что у нее «гривенника на булавки нет» [14. С. 119], а ведь ей по закону принадлежит пятьсот душ. Эти души, как мы понимаем, – крепостные крестьяне, владение которыми делало ее завидной невестой, несмотря на то что красотой она не блистала.

Калинович тоже, окунувшись в мир высшего света, размышляет: «Впереди были две дороги: на одной невеста с тысячью душами... однако, ведь *с тысячьо!*» (курсив А.Ф. Писемского. – С.3.), – повторял Калинович, как бы стараясь внушить самому себе могущественное значение этой цифры. <...> На другой дороге... литература с ее заманчивым успехом, с независимой жизнью в Петербурге» [Там же. С. 189]. Невеста с тысячью душами – это предмет, обладание которым гарантировало бы Калиновичу безбедное существование, и именно существование, поскольку Полину он не любил.

Первоначально герой, еще полный надежд, выбирает Петербург, однако его мечты о литературной славе быстро рушатся, и он меняет «траекторию движения» – женится на «тысяче душ» и таким образом подчиняется распространенной в обществе установке – «любовь ничто перед комфортом».

Той же идеей руководствуется и князь Иван Раменский, соблазняя Калиновича миром, где властвуют деньги: «Вы (он обращается к Калиновичу. – С.3.) теперь приняты в дом генеральши так радушно, с таким вниманием к вам, по крайней мере, со стороны mademoiselle Полины, и потому... что бы вам похлопотать тут – и, – боже мой! – какая бы тогда для вас и для вашего таланта открылась будущность! Тысяча душ, батюшка, удивительно устроенного имения, да денег, которым куда еще счету никто не знает. Тогда поезжайте, куда вы хотите: в Петербург, в Москву, в Одессу, за границу... Пишите свободно, не стесненные никакими другими занятиями, в каком угодно климате, где только благоприятней для вашего вдохновения...» [Там же. С. 186].

Однако следует отметить, что у Писемского слово «душа» ассоциируется не только с чисто материаль-

ными и меркантильными интересами, но приобретает и оттенок светлого и возвышенного, когда речь идет о Настеньке Годневой. Эта простая уездная барышня – человек сильных и глубоких чувств. Она воплощает в своем характере тип человека, способного в любую минуту прийти на помощь, пожертвовать всем ради счастья близкого человека. По отношению к ней отец, дядя, да и сам Калинович употребляют словосочетание «душа моя», тем самым акцентируя внимание на ее богатом внутреннем мире и моральной чистоте.

Настенька, обращаясь к Калиновичу, тоже использует производные от этого слова: «Не езд, душечка, ангел мой, не езд!» [14. С. 123] или «О душка мой, Калинович!..» [Там же. С. 139]. Она искренне верит всем его обещаниям и видит лишь положительную сторону личности своего возлюбленного. А он предает ее ради лучшей жизни, так как не желает довольствоваться участью скромного зрителя уездного училища.

Семью Годневых Писемский рисует в ином ключе, нежели остальных жителей Энска. Годневы – это единственный светлый луч в этом сухом и бессердечном мире, где главной житейской установкой является представление о том, что деньги для человека – все! В этих скромных и добрых людях Писемский реализовал идею благородства и красоты души. Поэтому Петр Михайлович, отец Настеньки, характеризуется прилагательным «добродушный», а Флегонт Михайлович, ее родной дядя, словом «душка». Мир Годневых противопоставлен в романе и провинциальной пошлости, и великосветской опустошенности.

Таким образом, «душа» у героев Писемского и Гоголя – это символ материального благополучия бездуховного содержания, но у Писемского она отражает еще и нечто светлое, присущее простым людям, таким, как семья Годневых.

Разграничение позиций живое / мертвое – один из ключевых элементов в раскрытии духовно-нравственного смысла «Мертвых душ» [23. С. 129]. Так, А.С. Курилов [24. С. 19] утверждает, что выведенную Гоголем галерею помещиков никак нельзя считать мертвыми душами, а Чичиков со своей неунывающей натурой, неустанной деятельностью и предпринимательской изобретательностью вообще «живее всех живых». Единственная сторона жизни, точнее одна ее составляющая, относительно которой души гоголевских персонажей действительно «мертвы», – это общественные интересы. А.В. Быков придерживается другого мнения. Он считает, что категория живого присуща лишь русскому народу, которым писатель восхищается в поэме, однако это восхищение является абстрактной верой Гоголя в прекрасное будущее, поскольку в реальности многие представители этого народа мало чем отличаются от своих господ [25. С. 373].

В романе Писемского данная параллель также присутствует, однако в завуалированном виде. Основная мысль романа – идея своекорыстного индивидуалистического успеха любыми средствами – типологически сближает «Тысячу душ» с широко распространенным в западноевропейской литературе XIX в. «романом удачи» (или успеха) [26. С. 75]. Однако на протяжении повествования этот «роман успеха»

плавно перетекает в «роман отчаяния». После женитьбы на Полине Шеваловой Калинович достигает немалых высот: получает должность вице-губернатора, а вместе с ней и привилегированное положение в высшем свете. Однако, волею судьбы, герой возвращается в провинциальный Энск, где начинает позиционировать себя блюстителем «бесстрастной идеи государства». На этом пути он терпит полный крах: Калиновича отстраняют от должности и отдают под суд как человека беспокойного, который и сам не пользуется благами жизни и другим жить мешает. Борьба героя со злом желаемого результата не приносит, и это надламывает его.

Отчаянье не обходит стороной и светлую душу Настеньки Годневой: она после всех выпавших на ее долю испытаний и предательств теряет интерес к жизни.

Получается, что если в «Мертвых душах» ведутся поиски живой души, то у Писемского изначально живые души становятся мертвыми, о чем писатель сообщает нам на последних страницах романа: «Я никак не могу, подобно старым повествователям, сказать, что главные герои мои... пристали, наконец, в мирную пристань тихого семейного счастья. <...> Сломанный нравственно, больной физически, Калинович решился на новый брак единственно потому только, что ни на что более не надеялся и ничего уж более не ожидал от жизни, да и Настенька, более уж, кажется, любившая Калиновича по воспоминаниям, оставила театр и сделалась действительною статскою советницею скорее из сознания какого-то долга, что она одна осталась в мире для этого человека» [14. С. 461, 462].

«Тысяча душ» завершается, таким образом, полагающейся по законам сюжета традиционного романа свадьбой героев, но этот финал – не начало счастливой жизни, а начало бессмысленного существования, поскольку души героев опустошены.

Проведенный нами анализ показывает, что роман Писемского – это сознательная вариация (термин М. Эпштейна) гоголевской поэмы, и реализуется она при помощи художественной реминисценции. Данный прием способствует расширению границ восприятия произведения и формированию собственного уникального художественного мира писателя не только в пределах анализируемого произведения, но и творчества в целом.

«Мертвые души» – это своеобразный код к постижению замысла «Тысячи душ». Писемский, опираясь на образ гоголевского персонажа и заимствуя основную идею «Мертвых душ» («приобретение – вина всего»), не только ярко характеризует отрицательные стороны главного героя, но и делает в решении этой идеи шаг вперед, показывая, что путь исправления не приносит желаемого результата, и обусловлено это не столько морально-нравственными установками отдельных людей, сколько положением дел в обществе в целом. К тому же если в поэме Гоголя за мертвыми душами видны души живые, то у Писемского изначально живые души переходят в ранг мертвых. Следовательно, опираясь на опыт «великого маэстро», Писемский смог найти свою оригинальную тропу: он показал нового героя,

который признает аморальность своего поведения и даже пытается исправить совершенные ошибки, но царящая в обществе атмосфера не позволяет возродить к жизни мертвую душу.

ЛИТЕРАТУРА

1. История русского романа : в 2 т. М. ; Л., 1962. Т. 1.
2. Вершинина Н.Л. А.Ф. Писемский // История русской литературы XIX в. : в 3 ч. / под ред. В.И. Коровина. М. : ВЛАДОС, 2005. Ч. 3.
3. Mirsky D.S. A history of Russian literature from its beginnings to 1900. Northwestern University Press, 1958.
4. Еремин М. Вступительная статья // А.Ф. Писемский. Собрание сочинений : в 9 т. М., 1959. Т. 1.
5. Писемский А.Ф. Письма. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1936.
6. Алмазов Б.Н. Алексей Феофилактович Писемский и его двадцатипятилетняя литературная деятельность // Русский архив. 1875. Кн. 1. С. 453–467.
7. Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей : в 2 т. М., 1998. Т. 1.
8. Мысляков В.А. Писемский о Гоголе // Русская литература. 1992. № 4. С. 81–91.
9. Самарин Ю.Ф. Сочинения : в 10 т. М., 1877. Т. 1.
10. Ветловская В.Е. Проблема источников художественного произведения // Русская литература. 1993. № 1. С. 100–116.
11. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1979.
12. Романичева Е.С. Учим читать постмодернистский текст // Литература. 2005. № 24. С. 13–17.
13. Хализев В.Е. Теория литературы. М. : Высш. шк., 2005.
14. Писемский А.Ф. Тысяча душ. М. : Худ. лит., 1988.
15. Гоголь Н.В. Театральный разъезд после представления новой комедии // Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. : в 14 т. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1949. Т. 5.
16. Reference guide to Russian literature / ed. N. Cornwell. Routledge, 2013.
17. Гоголь Н.В. Мертвые души. Т. 1 // Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. : в 14 т. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1951. Т. 6.
18. Труайя А. О «Мертвых душах» Н.В. Гоголя // Русская словесность. 2006. С. 10–17.
19. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. СПб. ; М., 1903. Т. 1.
20. Луков В.А. Русская литература: генезис диалога с европейской культурой. М., 2006. URL: http://www.mosgu.ru/nauchnaya/publications/monographs/Lukov_VI_A_Russian_literature.
21. Смирнова Е.А. Поэма Гоголя «Мертвые души». Л. : Наука, 1987.
22. Манн Ю.В. Постигая Гоголя. М., 2005.
23. Жаравина Л.В. Шаламов и Гоголь: живые / мертвые души // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2007. № 2. С. 129–134.
24. Курилов А.С. Мертвые ли души у героев «Мертвых душ»? // Русская словесность. 2009. № 5. С. 17–22.
25. Быков А.В. Русская провинция Н.В. Гоголя, или Изображение зла в поэме «Мертвые души» // Облик российской провинции: исторические и современные социокультурные проблемы. V Международные Стахеевские чтения : материалы науч. конф. Елабуга, 2012. С. 368–373.
26. Недзвецкий В.А. История русского романа XIX века: неклассические формы. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2011.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 22 июля 2014 г.

A.F. PISEMSKY'S *ONE THOUSAND SOULS*: A DIALOGUE WITH GOGOL'S *DEAD SOULS*

Tomsk State University Journal. No. 386 (2014), 5–10. DOI: 10.17223/15617793/386/1

Zvyagina Svetlana V. Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Nizhny Novgorod, Russian Federation).

E-mail: zvyaginasvetlana@yandex.ru

Keywords: reminiscences; dialogue; Gogol's plot; living/dead souls.

Alexey F. Pisemsky began his creative career in the 1840s and his contemporaries perceived him as a worthy successor to the best literary traditions of "Pushkin" and "Gogol" schools. Pisemsky was fascinated by N.V. Gogol's works from youth: he did not only read the works of the "great maestro", but also played his characters in amateur theatricals. He learnt Gogol's literary skill, truthful depiction of reality; however, if Gogol tried to avoid citations and reminiscences in his works, Pisemsky had a different style. His chief work – the novel *One Thousand Souls* – is rich in reminiscences: the author enters into a dialogue with the *Dead Souls* by Gogol on figurative and ideological levels. So, Pisemsky transferred Gogol's idea that "acquisition is the fault of all" into his novel, and put his hero to a test by the world based on the concept that money is everything for the person. There is no doubt that Gogol's and Pisemsky's characters (Chichikov and Kalinovich) are different, and their actions on the way towards achievement of an objective are different as well. In one case it is entrepreneurship of a "new" man, while in the other circumstances – a traditional marriage-bargain. However, the goal both characters pursued was the same: "comfort" (material well-being), and possessed souls were the equivalent of that "comfort". Moreover, readers sympathize with Gogol's adventurer, while Pisemsky's character, on the contrary, arouses quite opposite emotions. The dissonance is in the character of Nasten'ka Godneva, a pleasant, kind person with a large heart, whose love Kalinovich betrayed as the girl was unable to help him in realizing his plans. Both titles have the word "soul" (*One Thousand Souls* and *Dead Souls*), but each writer plays upon it guided by his own tasks. So, in Gogol's work "soul" is a means of profit, because Chichikov buys "dead souls" aiming to become rich. According to Pisemsky, the word "soul" has two meanings: firstly, it is a symbol of material welfare of a soulless content; secondly, it is a symbol of nobility and inner beauty, typical of ordinary people such as the Godnev family. In his novel Pisemsky interprets Gogol's views on "living/dead" in his own way: in Gogol's *Dead Souls* there is a search for a living soul, while in Pisemsky's novel initially living souls turn into dead ones, the author saying about it on the last page of the novel. *One Thousand Souls* is routinely completed by the marriage of the heroes as required by a traditional novel, though such an ending is not the beginning of a happy life but the start of pointless existence since the souls of the heroes are wasted. Thus, *Dead Souls* is a kind of a key to gain insight into the idea of *One Thousand Souls*, which Pisemsky realizes using literary reminiscences. Basing on Gogol's character and borrowing the main idea of *Dead Souls* ("acquisition is the fault of all") Pisemsky does not only describe the drawbacks of the main character but also takes a forward step in the problem and shows that the way of improvement does not bring a desirable result: it does not revivify a dead soul.

REFERENCES

1. *Istoriya russkogo romana: v 2 t.* [History of the Russian novel. In 2 vols.]. Moscow – Leningrad, 1962. Vol. 1.
2. Vershinina N.L. *A.F. Pisemskiy* [A.F. Pisemsky]. In: Korovin V.I. (ed.) *Istoriya russkoy literatury XIX v.: v 3 ch.* [A history of the Russian literature of the 19th century. In 3 parts]. Moscow: VLADOS Publ., 2005.
3. Mirsky D.S. *A history of Russian literature from its beginnings to 1900.* Northwestern University Press, 1958. 383 p.
4. Eremin M. *Vstupitel'naya stat'ya* [Introduction]. In: Pisemskiy A.F. *Sobranie sochineniy: v 9 t.* [Collected Works. In 9 vols.]. Moscow: Pravda Publ., 1959. Vol. 1.
5. Pisemskiy A.F. *Pis'ma* [Letters]. Moscow – Leningrad: USSR AS Publ., 1936.
6. Almazov B.N. Aleksey Feofilaktovich Pisemskiy i ego dvadtsatipyatiletneya literaturnaya deyatel'nost' [Aleksey Pisemsky and his twenty-five-year-long literary activity]. *Russkiy arkhiv*, 1875, book 1, pp. 453-467.
7. Aykhenval'd Yu. *Siluety russkikh pisateley: v 2 t.* [Silhouettes of Russian writers. In 2 vols.]. Moscow: Terra – knizhnyy klub; Respublika Publ., 1998. Vol. 1.
8. Myslyakov V.A. Pisemskiy o Gogole [Pisemsky about Gogol]. *Russkaya literatura*, 1992, no. 4, pp. 81-91.
9. Samarin Yu.F. *Sochineniya: v 10 t.* [Works. In 10 vols.]. Moscow, 1877. Vol. 1.
10. Vetlovskaya V.E. Problema istochnikov khudozhestvennogo proizvedeniya [The problem of sources of fiction]. *Russkaya literatura*, 1993, no. 1, pp. 100-116.
11. Bakhtin M.M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [The aesthetics of verbal creativity]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1979.
12. Romanicheva E.S. Uchim chitat' postmodernistskiy tekst [Teaching to read the postmodern text]. *Literatura*, 2005, no. 24, pp. 13-17.
13. Khalizev V.E. *Teoriya literatury* [Theory of literature]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 2005.
14. Pisemskiy A.F. *Tysyacha dush* [A thousand souls]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1988.
15. Gogol N.V. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 14 t.* [Complete Works. In 14 vols.]. Moscow – Leningrad: USSR AS Publ., 1949. Vol. 5.
16. Cornwell N. (ed.) *Reference guide to Russian literature.* Routledge, 2013.
17. Gogol N.V. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 14 t.* [Complete Works. In 14 vols.]. Moscow – Leningrad: USSR AS Publ., 1951. Vol. 6.
18. Truaya A. O "Mertvykh dushakh" N.V. Gogolya [On Gogol's Dead Souls]. *Russkaya slovesnost'*, 2006, no. 2, pp. 10-17.
19. Dahl V.I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t.* [The Explanatory Dictionary of the Great Living Russian Language. In 4 vols.]. St. Petersburg – Moscow, 1903. Vol. 1.
20. Lukov V.I.A. *Russkaya literatura: genezis dialoga s evropeyskoy kul'turoy* [Russian literature: the genesis of the dialogue with the European culture]. Moscow: MUH Publ., 2006. Available at: http://www.mosgu.ru/nauchnaya/publications/monographs/Lukov_VI_A_Russian_literature.
21. Smirnova E.A. *Poema Gogolya "Mertvye dushi"* [Gogol's Dead Souls]. Leningrad: Nauka Publ., 1987.
22. Mann Yu.V. *Postigaya Gogolya* [Discovering Gogol]. Moscow: Aspekt Press Publ., 2005. 206 p.
23. Zharavina L.V. Shalamov i Gogol': zhivye/mertvye dushi [Shalamov and Gogol: live / dead souls]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2007, no. 2, pp. 129-134.
24. Kurilov A.S. Mertvye li dushi u geroev "Mertvykh dush"? [Are the souls of the heroes of Dead Souls dead?]. *Russkaya slovesnost'*, 2009, no. 5, pp. 17-22.
25. Bykov A.V. [Russian province of N.V. Gogol, or the image of evil in the poem Dead Souls]. *Oblik rossiyskoy provintsii: istoricheskie i sovremennye sotsiokul'turnye problemy. V Mezhdunarodnye Stakheevskie chteniya: materialy nauchnoy konferentsii* [The image of the Russian province: historical and contemporary socio-cultural issues. V International Stakheev readings: Proceedings of the conference]. Elabuga, 2012, pp. 368-373. (In Russian).
26. Nedzvetskiy V.A. *Istoriya russkogo romana XIX veka: neklassicheskie formy* [History of the Russian novel of the 19th century: non-classical forms]. Moscow: MSU Publ., 2011.

Received: 22 July 2014